

В этом ведении, сотканном из света и тени, Линь стоял за спиной Яворы.

Он подумал, что сейчас наверняка видит глазами «Стального тигра».

В тот момент, когда глава культа Искажения Шпиневиля встречалась с изменником, высокопоставленным членом Инквизиции, «Стальной тигр» мог быть её телохранителем. Его положение в местном культе казалось куда выше, чем Линь предполагал.

Ритуалист начал задумываться, сколько именно информации он сможет получить из глаз «Стального тигра».

Хотя существовала и такая информация, которую ему, возможно, вообще не стоило знать.

Например, эта самая «Раковина».

Когда речь заходила о «Раковине», Линь вспоминал морское дно: там повсюду лежали ракушки. Более того, тогда, стоя на пляже, он видел, как волной к его ногам прибило огромную морскую раковину.

Но то, что называл «Раковиной» директор Листчес, наверняка не являлось обычной раковиной. Между двумя «раковинами» явно существовала связь, но речь шла не об одном и том же.

А это было как раз то, что верховный инквизитор строго-настроено запретил ему исследовать.

Хотя теперь его осторожность исходила уже не из запрета верховного инквизитора. Он осторожничал потому, что боялся снова потерять голову и в очередной раз уверовать в безумную мысль: «эта богиня должна принадлежать мне».

Линь пытался уговорить себя забыть об этом, но любопытство продолжало терзать.

Его интересовало, как именно директор Листчес сумел обойти контрзаклятие молчания.

Стоило ему на мгновение замешкаться — и образы продолжили появляться. Линь увидел глазами «Стального тигра», как сухие губы старого лисолюда зашевелились:

— Начиная с сегодняшнего дня, я буду каждый день выбрасывать у порога куриную косточку от окорочка.

«А разве соседи в его доме не начнут жаловаться?» — машинально подумал Линь. А потом вспомнил: дом у директора Листчеса наверняка был не в многоквартирном блоке, а в особняке ниже десятого уровня.

Говорили, что возле таких особняков ставили «сады» из искусственных цветов и пластиковых кустов, и богатые хозяева нанимали прислугу, чтобы каждые пару недель заменять там декорации. Соседи даже хвастались друг перед другом этими «садами».

Если кость он собирался кидать в такой «сад», то, пожалуй, это не стало бы слишком мешать другим.

— Если однажды я не выброшу кость, — продолжал директор, не догадываясь, что ненароком похвастался своим богатством, — значит, «Раковину» собираются доставить в Шпиневиль.

Линь нахмурился.

Такая форма намёка однозначно стриггерила бы контрзаклятие молчания. И почему директор был так уверен, что Инквизиция не заметит?

«Хотя, в конце концов, этого действительно никто не заметил...»

Линь посмотрел на Явору. Она наверняка понимала, что метод Листчеса звучал сомнительно. Но вместо того, чтобы сразу возразить, она рассмеялась, тихо и долго.

Потом тигролюдка заговорила. В её голосе слышались радость, ядовитая насмешка и сладостное искушение:

— «Если однажды»? Директор Листчес, прислушайся к себе. Ты ведь уже на пенсии. Сейчас у тебя нет доступа к сведениям о «Раковине». Что же, ради этого дня ты собираешься снова подать прошение о возвращении на службу? Но даже если тебя возьмут обратно — сколько ты ещё сможешь работать? Сколько нам придётся ждать? Ты уверен, что доживёшь до этого дня?

Лицо старого лисолюда резко потемнело. Лицо Линя — тоже.

«Выходит, Листчес предал Инквизицию ещё десять лет назад, когда вышел на пенсию, а потом был принят обратно?»

Через секунду старик снова обрёл спокойствие.

— Молись своей повелительнице, Явора, молись, чтобы я прожил подольше, — твёрдо сказал он. — Ведь кроме меня, кто ещё согласится раскрыть вам такие сведения?

— Конечно, конечно, — её тихий смех перешёл в громкий. Смех звенел в роскошной гостиной, как будто она вовсе не боялась, что их тайная встреча будет раскрыта. — Но... хе-хе-хе, Листчес, я слышала, что ты заказал себе незаконное изготовление тела, точь-в-точь как твоё молодое, но даже при самых больших деньгах никто не согласился переселить твою душу в

новый сосуд. Ты так боишься старости и смерти? Все травы и деревья однажды возвращаются в землю. Неужели ты думаешь, что сумеешь превзойти природу?

Листчес резко сжал в кулаке свои многослойные шали.

Он хотел уже сказать «если не хочешь сотрудничать — забудем об этом», но Явора наконец перестала смеяться.

Голос её оставался радостным, но издёвки больше не было.

— Хорошо. Мы подождём вместе с тобой, — произнесла она.

Тигролюдка подняла руки вверх и воскликнула:

— Сны в конце концов станут владением моей повелительницы, и я получу её благосклонность!

Стоявший за её спиной «Стальной тигр» тоже вскинул руки.

Явора медленно опустила ладони, подалась вперёд и в упор посмотрела на Листчеса.

— Будь уверен, — отчеканила она, — её благосклонность коснётся и тебя.

Для Листчеса, предавшего Инквизицию и перешедшего к Деве Серебряной Луны, это должно было звучать как благословение.

И всё же почему-то после этих слов лицо старого лисолюда покрылось пятнами, словно холст, на который художник опрокинул свою палитру.

— Линь! — кто-то позвал Линя в реальности. — Ты в порядке?

Ритуалист вынырнул из хаотичных образов, воспроизводящихся с разной скоростью и в разных направлениях, и повернулся. Он увидел, как Песнетел снова выбрался из своей турельной паучихи и, семеня короткими ногами, подбежал к нему.

Прямо перед Линем лежал труп «Стального тигра». На его груди чернела сквозная дыра, и, умерев, он так и не вернулся в человеческий облик. Его останки выглядели как останки дикого зверя — огромного, жуткого, пугающего.

— Лучше держись подальше, — сказал Песнетел. — У тебя нет магии — значит, тебе проще всего подхватить скверну от магии культистов.

«Я бы сказал, что вопрос "есть ли у меня магия" остаётся открытым», — подумал Линь.

Но действительно, служители с магией могли нарушить баланс ритуала, а его собственные обряды никогда не давали сбоев.

«Так кто же я на самом деле?..»

Линь отогнал лишние мысли, послушно отступил на несколько шагов и спросил у Песнелета:

— Мисс Кандис и Ходогора должны были уже вернуться, верно?

— Мы вернулись! — звонко откликнулась Ходогора.

Она действовала по указанию Песнелета: забравшись в тоннель, конелюдка держалась на «средней» глубине.

Если бы они остались слишком близко к выходу, «Стальной тигр», обладавший большей рассудительностью, чем прочие озверевшие, мог бы заподозрить ловушку. Но если бы они углубились слишком далеко — в случае непредвиденной ситуации ни она, ни Кандис не успели бы вернуться и помочь.

Кандис, шагая за Ходогорой, показала Песнелету жест, подтверждая: то место, где они «заблудились», выбрала сама Ходогора.

Это доказывало, что в бою и в исполнении тактики Ходогора справлялась отлично. Для новичка в их отряде она имела более чем достаточный уровень подготовки, а её простодушный характер никак не мешал выполнению задач.

Мысленно завершив очередной этап проверки новенькой, Песнелет поставил ей высокую оценку. А про себя решил: если в будущем придётся подавать заявку на совместную работу с ритуалистами, то «Слепого чтеца» нужно будет выбирать в первую очередь.

Сам он отошёл и встал рядом с Линем, пока Кандис присела на колено у тела «Стального тигра» и безмолвно вступила в контакт с его ещё не рассеявшейся душой. Тем временем Песнелет подозвал Ходогору, чтобы та занялась рукой Линя.

На тыльной стороне ладони у темноволосого инквизитора, где недавно находился ритуальный знак, остались только распоротые ткани и кровь: круг разрушился, плоть была принесена в жертву. Ходогора с тревогой накрыла его руку своей ладонью, и алое свечение её силы разлилось, целительным потоком смыкая разрывы.

Песнелет, наблюдая, только присвистнул:

— Слышал я о твоей статье, но чтобы ритуальный круг можно было сжать до такого размера — вижу впервые. Когда ты систематизируешь свою теорию, твоё имя войдёт в учебники для ритуалистов.

— Пустяки, — скромно ответил Линь, как человек, воспитанный на обязательном школьном образовании. — Я просто чуть лучше других умею считать.

— И не больно? — спросил Песнелет.

— При правильном принесении жертвы Божественным Столпам возникает кратковременный паралич, и боли почти не чувствуется, — спокойно пояснил Линь, поделившись секретом, известным только ритуалистам. — Разумеется, если сначала отрезать кусок плоти ножом, а потом приносить его в жертву, паралича не будет. Но когда позволяешь это сделать самому ритуалу — боли нет.

Ходогора осторожно убрала руку. На коже Линя не осталось ни раны, ни шрама; ритуальный узор также отсутствовал.

Линь поблагодарил её, натянул перчатку и шутливо заметил:

— Всё равно паралич длится не долго. Так что я могу позволить себе подобное только потому, что рядом есть целитель.

— Смахивает на силы кровавых берсерков — служителей Матери Первозданной Крови, — хмыкнул Песнелет. — У них ведь максимальная сила проявляется, когда их едва не убивают.

— Неправда, — возразила Ходогора, — у кровавых берсерков сила зависит от того, какой процент крови они потеряли.

— А разве это не одно и то же? — искренне удивился Песнелет.

— Им не обязательно доводить себя до полусмерти...

Спор не разгорелся лишь потому, что Кандис поднялась от тела «Стального тигра».

Песнелет моментально забыл обо всём и спросил:

— Удалось что-нибудь выведать у его духа?

Похоронщица кивнула и тут же покачала головой. Она достала блокнот и начала быстро писать.

Песнелет встал на цыпочки, чтобы заглянуть в него:

— Так-так... Значит, Листчес сейчас у алтаря культа Искажения... Этот алтарь они обустроили всего пару недель назад?.. Маршрут туда выяснить не удалось, его дух успел рассеяться? Жаль, очень жаль.

Он искренне вздохнул:

— Если бы мы знали дорогу к алтарю...

Линь перевёл взгляд на мутные, не закрывшиеся глаза мёртвого «Стального тигра» — в них мелькнула знакомое сочетание света и тени.

В отличие от похоронщиков церкви Инеевого Звоноврана, которые умели общаться с душами, его дар не позволял спрашивать у мёртвых их мысли. Но если глазное яблоко оставалось целым, он мог созерцать воспоминания вплоть до тех времён, когда погибший был младенцем.

И, конечно же, дороги, которыми «Стальной тигр» многократно ходил к алтарю, он тоже мог видеть.

«Но как сказать о них остальным?»

К тому же выходило, что направление к этому алтарю подозрительно совпадало с направлением далёкого шума прибоя. А туда ему не стоило приближаться.

Линь вытащил карту уровня, на котором они находились, и начал импровизировать.

— На самом деле... — заговорил он. — Предупреждаю сразу: расчёты могут быть неточными... Но если учесть время, когда директор Листчес покинул кабинет, время его прибытия к алтарю, а также момент, когда культ Искажения заметил нашу погоню и выслал против нас «Стального тигра» и «Цветочную руку»... Если всё это соотнести с нашей скоростью передвижения, можно примерно прикинуть, на каком расстоянии находится алтарь.

Он отметил несколько точек на карте:

— Проведём круг с центром здесь, исключим направления к станции метро и железнодорожным путям... Останется вот это, это и вот это. Может, начнём проверять отсюда?